

Рецензии, рефераты, обзоры

Волгин Е.И.

Метаморфозы столичных неформалов второй половины 1980-х годов — начала 1990-х годов. Рецензия на книгу Кароль Сигман «Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства»

Волгин Евгений Игоревич — кандидат политических наук, доцент, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: plytony@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [1885-0532](https://elibrary.ru/1885-0532)

Аннотация

В связи с выходом книги Кароль Сигман «Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства» Центр франко-российских исследований в Москве, издательство «Новое литературное обозрение» (НЛО), Французский институт в Москве и Институт социальных и политических наук провели конференцию — круглый стол о неформальных политических клубах и их роли в распаде советской системы. В мероприятии приняли участие исследователи и бывшие активисты московских клубов. В данной статье-рецензии, написанной по итогам дискуссии, предпринята попытка оценить тот вклад, который внесла французская исследовательница в раскрытие феномена неформального движения в СССР. Книга К. Сигман базируется на комплексном применении социологического, политологического и собственно исторического методов. Такой междисциплинарный подход позволил не только всесторонне осветить деятельность многочисленных столичных политизированных клубов, но также показать их личностное наполнение. Ибо многочисленная литература, посвященная становлению политической оппозиции в СССР в годы перестройки, подчас игнорирует этот крайне важный социально-персональный аспект демдвижения. Основная идея, которую удалось научно обосновать К. Сигман, — это наличие в неформальном движении двух «когорт». Первая «когорты», заявившая о себе на заре перестройки, отчасти состояла из представителей бывшего диссидентского движения, отказавшихся от прежних лозунгов. Активисты этого течения отличалась умеренным и сбалансированным подходом к преобразованиям. Участники «второй когорты», массово хлынувшие в политику после относительно демократических выборов 1989–1990 годов, выдвигали радикальные требования и не желали принимать «аппаратный» сценарий управляемой демократизации, предложенный Горбачевым. С этого момента начинается открытая борьба за власть между старой номенклатурой и новым российским политическим классом.

Ключевые слова

Кароль Сигман, перестройка, оппозиция, политические клубы, неформалы, партии, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин.

Перестройка явилась одним из наиболее парадоксальных периодов отечественной истории, когда заявленные цели преобразований привели к диаметрально противоположным результатам. М.С. Горбачев в те годы любил повторять, будто перестройку провозгласила правящая Коммунистическая партия (правда, иного «генератора перемен» в тогдашних условиях в СССР и быть не могло). С другой стороны, объявив масштабные преобразования «в стране и в партии»,

Горбачев, по его собственным свидетельствам, оставался крайне недоволен работой партийного аппарата, который превратился, по мнению «архитектора» перестройки, из авангарда «судьбоносных реформ» в «механизм торможения»¹.

Действительно, руководящие кадры КПСС, особенно на местах, с трудом «переваривали» горбачевские новации. В этой связи стратегическими союзниками партийных реформаторов (по сути — достаточно узкой группы высших иерархов из Политбюро ЦК), помимо некоторых официальных демократических СМИ, невольно становились так называемые неформалы. Именно они с воодушевлением подхватили лозунги перестройки и понесли их дальше — в широкие массы, придав на определенном этапе управляемой демократизации сверху поистине всенародный характер. Как верно заметил один современник, участники неформальных ассоциаций первоначально лишь играли в большую политику (обсуждали радикальные законопроекты, готовили инициативные доклады по актуальным вопросам). Но в этой игрушечной политике был определенный смысл: прошло совсем немного времени, и завсегдатаи небольших собраний научились организовывать многотысячные митинги, а их неформальные издания превратили дозированную гласность в свободу слова.

Надо сказать, что неформальное движение привлекло к себе внимание буквально с момента своего появления. Достаточно бросить беглый взгляд на заголовки официальной периодики второй половины 1980-х годов, чтобы понять, насколько необычным казалось современникам это социальное явление. Вот лишь некоторые наименования публикаций конца 1980-х годов: «“Неформалы” — сыновья или пасынки?»², «“Неформалы”. Как к ним относиться?»³, «“Неформалы”: за и против»⁴, «“Неформалы”: кто они?»⁵, «Куда идут молодые “неформалы”?»⁶, «Неформалы есть. А что дальше?»⁷, «Неформалы и власть»⁸, «Неформалы: интеллигенция, партактив: политические ориентации»⁹, «Неформалы: социальные

¹ Волгин Е.И. КПСС в контексте советской политической модернизации (конец 80-х — начало 90-х годов XX века) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2004. № 3. С. 75–89.

² Плаксия С.И. «Неформалы» — сыновья или пасынки? // Политическое образование. 1988. № 7. С. 83–89.

³ Испаев Я. «Неформалы». Как к ним относиться? // Партийная жизнь Казахстана. 1988. № 7. С. 71–75.

⁴ Лисовский В. «Неформалы»: за и против // Агитатор. Журнал ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 26–28.

⁵ Неформалы: Кто они? Куда зовут? / Под общ. ред. В.А. Печенева, В.И. Вьюницкого. М.: Политиздат, 1990.

⁶ Андреев Н. Куда идут молодые «неформалы»? // Политическое образование. 1989. № 5. С. 57–63.

⁷ Неформалы: Кто они? Куда зовут? С. 241–253.

⁸ Фадин А.В. Неформалы и власть // Вестник Академии наук СССР. 1989. № 10. С. 87–96.

⁹ Амелин В.Н. Неформалы: интеллигенция, партактив: политические ориентации // Общественные науки. 1989. № 4. С. 199–217.

инициативы»¹⁰ и т. д. Зачастую авторы этих статей относились к различным политизированным течениям, которые по тем или иным причинам не вписывались в официальные рамки, если не враждебно, то, по крайней мере, с известной долей недоверия. Хотя зачастую речь шла вовсе не о политических активистах, а о представителях различных молодежных субкультур. Как отмечает известный специалист по общественно-политическим объединениям В.В. Прибыловский, термин «неформалы» ввел во всеобщий оборот в 1985 году известный журналист Юрий Щекочихин: «Сначала его применяли в основном к хиппи и рокерам, а потом и к новым низовым общественным движениям, объединениям, группам»¹¹.

К 1990 году, когда властная монополия КПСС начала разрушаться, а политическая альтернатива получила официальное право на существование, стали появляться работы, авторы которых пытались спокойно осмыслить феномен неформального движения в СССР, придать некую классификацию известным институциям. К таким изданиям относится книга Д.В. Ольшанского «Неформалы: групповой портрет в интерьере»¹², коллективная монография А.В. Громова и О.С. Кузина «Неформалы: кто есть кто?»¹³, фундаментальный труд под редакцией В.А. Печенева, В.И. Вьюницкого «Неформалы: кто они? Куда зовут?...»¹⁴, справочник «Неформальная Россия», составленный ответственными работниками Черемушкинского райкома КПСС (на подведомственной территории которого в конце 1980-х годов проводился эксперимент по возвращению первых неформальных групп) В. Березовским и Н. Кротовым¹⁵ и т. д.

Даже в 2000-е годы интерес к советской политической оппозиции эпохи перестройки не пропадает, о чем свидетельствует появление книг А.В. Шубина (непосредственного участника неформального движения социалистической ориентации): «Диссиденты, неформалы и свобода в СССР»¹⁶ и «Преданная демократия. СССР и неформалы, 1986–1989»¹⁷.

¹⁰ Миронов В. Неформалы: социальные инициативы. «Помрачение умов» или «гражданская доблесть» // Коммунист. 1990. № 9. С. 124–127.

¹¹ Прибыловский В.В. Предисловие // Шубин А.В. Преданная демократия. СССР и неформалы: 1986–1989. М.: Европа, 2006.

¹² Ольшанский Д.В. Неформалы: групповой портрет в интерьере. М.: Педагогика, 1990.

¹³ Громов А.В., Кузин О.С. Неформалы: кто есть кто? М.: Мысль, 1990.

¹⁴ Неформалы: Кто они? Куда зовут?

¹⁵ Березовский В., Кротов Н. Неформальная Россия: О «неформальных» политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника). М.: Молодая гвардия, 1990.

¹⁶ Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008.

¹⁷ Шубин А.В. Преданная демократия. СССР и неформалы: 1986–1989.

Таким образом, книга Кароль Сигман «Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства» органически вписывается в историографию, посвященную изучению альтернативных общественно-политических объединений эпохи перемен. Работа выдержана в стиле фундаментального и, что самое главное, концептуального исследования. Для самого автора деятельность неформалов не органичена хронологическими рамками только перестройки. Почва для возникновения известного общественного феномена была подготовлена в предшествующие годы (диссидентство, самиздат). А после распада СССР активисты бывших дискуссионных клубов, сойдя с политической авансцены, пытались (с переменным успехом) интегрироваться в новый российский истеблишмент (войти во властные структуры, создать новые партии, заняться журналистикой или же политическим консалтингом). Фактически в книге Кароль Сигман речь идет о судьбе демократического движения и его непосредственных лидеров на рубеже 1980-х — 1990-х годов.

Основное внимание автора сосредоточено на политизированных объединениях столичной интеллигенции. Определенная часть книги посвящена генезису российских партий, которые также имели в основном «московскую прописку». Такие географические рамки исследования вполне понятны и оправданы. Москва являлась эпицентром преобразований (северная столица, увы, несмотря на наличие заметных альтернативных объединений, больше ассоциировалась с консервативным началом). После 12 июня 1990 года Москва превратилась в альтернативное средоточие новой российской власти. Это предопределило трансформацию всего демдвижения в самой республике, которое приобрело «российскую специфику».

Исследование Кароль Сигман построено на комплексном применении социологического, политологического и собственно исторического подходов. Это позволило всесторонне изучить различные аспекты неформального движения, показать его личностное наполнение и общественное значение. Так, социологический метод помог обобщить и проанализировать биографические данные участников дискуссионных клубов. Успешно применяя контент-анализ (ибо биографии вполне можно рассматривать как некий *текст*), автору удалось выявить характерные особенности (возрастные, семейные, образовательные, профессиональные и пр.), присущие в той или иной степени активистам неформального движения и предопределившие модели их участия в общественно-политической практике в годы перестройки.

Политологический подход позволил вскрыть сложный и порой весьма запутанный характер отношений неформальных клубов с властными структурами КПСС. Вначале это были партийные инстанции низового (районного) уровня, руководство которых в рамках политического эксперимента допускало на подведомственной территории существование полулегальных дискуссионных площадок. Но постепенно, по мере ослабления «системы», неформалы отвоевывали все новые политические пространства. После выборов 1989–1990 годов некоторые наиболее видные их представители вошли в законодательные органы, то есть сами (на короткое время) стали властью.

Наконец, исторический метод помог представить неформальное движение в динамике, проследить идеологическую и организационную эволюцию объединений и их непосредственных участников. При этом пик неформальной активности пришелся на так называемый продвинутый этап перестройки, совпавший с проведением в СССР политической реформы (1988–1990 годы). Именно на этом этапе инициативные общественно-политические структуры заявили о себе, как говорится, в полный рост. Неудивительно, что основное внимание Кароль Сигман сосредоточила на этом сравнительно небольшом, на первый взгляд, временном отрезке. Однако не следует забывать, что речь идет о переломном моменте в истории позднего СССР, когда политический процесс развивался гораздо быстрее, нежели современники могли осмыслить сами изменения. Поэтому от исследователя, который имеет дело с изучением скоротечных исторических явлений, требуется особая скрупулезность и филигранность, чтобы буквально по месяцам, а иногда — и по дням проследить смену общественной парадигмы. Все эти качества в полной мере присущи исследованию Кароль Сигман.

Автору удалось привлечь широкий круг разнообразных материалов. Это, прежде всего, периодика неформалов (нетрадиционная печать), интервью с непосредственными участниками самих объединений. Беседы, проведенные Кароль Сигман в начале 1990-х годов по горячим следам перемен, являются уникальным источником информации. Также были использованы документы районных комитетов КПСС, которые взаимодействовали с дискуссионными клубами и (до определенного момента) контролировали их. Комплексное использование разнообразных источников, врезки из воспоминаний непосредственных участников событий (причем как с «этой», так и с «другой» стороны), органически вплетаясь в авторский текст, воспроизводят

саму атмосферу того удивительного времени, создают у читателя эффект вовлеченности в круговорот столичной общественной жизни конца 1980-х годов.

Надо сказать, что изучать неформальное движение в силу специфики самого предмета исследования достаточно сложно. Адепты альтернативных политических практик находились (по крайней мере, в начале своего существования) на «полулегальном положении». Это предопределило организационную аморфность их первых институций, «диффузный», как пишет сама автор, характер общественного движения, текучесть кадров, нечеткость программных требований, внутреннюю борьбу и частую смену названий клубов. Кроме того, не стоит забывать, что первые гражданские (или протогражданские) объединения, не скованные официальными организационными рамками, пусть немногочисленные, но при этом состоявшие из ярких, незаурядных и довольно амбициозных *личностей*, представляли собой живой и чрезвычайно подвижный (бурлящий, если не кипящий) общественный организм, трудно поддающийся внешнему описанию и анализу. Тем не менее Кароль Сигман удалось привести это довольно хаотичное движение в довольно стройную исследовательскую систему. В полной мере учитывая многообразие изучаемых ассоциаций (клубов, объединений избирателей, народных фронтов, политических партий и т. д.), автор рассматривает все это «неформальное многообразие» как единое движение, зародившееся в условиях перестройки и направленное на углубление демократических перемен.

Итак, кто же такие советские неформалы? На основании прочитанного можно заключить, что костяк дискуссионных клубов составили представители альтернативной КПСС общественной среды, состоящей из высокообразованных, активных и, как правило, карьерно-успешных граждан, которые претендовали на участие в политическом процессе. Причем первоначально речь шла о том, чтобы, не сливаясь с официальной властью и не вступая в конфликт с ней, генерировать и продвигать собственные предложения и тем самым влиять на принятие судьбоносных решений. Главное требование, обращенное к высшему руководству КПСС, которое постулировали (по крайней мере, до 1989 года) практически все инициативные объединения независимо от места их дислокации, можно обозначить строчкой из песни политизированной и популярной в те годы рок-группы: «Ни шагу назад!»

Кароль Сигман сумела показать социальную, идейно-политическую, организационную специфику столичных неформальных объединений, вскрыть

механизмы мобилизации их непосредственных участников, выявить особенности распределения статусных позиций внутри самого движения. В книге подробно разбирается весьма непростой характер отношений альтернативных дискуссионных клубов как между собой, так и с официальными партийными инстанциями, когда обе стороны по возможности старались избегать острых конфликтов.

Однако этот негласный пакт не мог существовать слишком долго. Рано или поздно чаша весов обязательно должна была качнуться *либо в ту, либо в другую* сторону. Так, в случае победы антиперестроечных сил неформальное движение объективно сошло бы на нет (благо, если «завершение эксперимента» не привело к санкциям против его участников). Напротив, в случае углубления перестроечных процессов неформалы по логике вещей должны были выйти из подполья и превратиться в легитимную политическую оппозицию. Как показали дальнейшие события, *исторический выбор* был сделан в пользу дальнейших преобразований, которые затрагивали политическую систему СССР. Можно много рассуждать о том, какие именно факторы предопределили выбор Горбачева, но несомненно одно: почва для реализации этой реформы во многом была подготовлена наработками неформальных политических клубов (ибо они, как показывает автор, больше дискутировали именно на политические темы, мало уделяя внимание экономическим проблемам).

1989 год стал моментом истины как для советской системы вообще, так и для неформального движения в частности. Первые относительно свободные выборы стали каналом некоторой легализации неформалов. По всей стране стремительно возникали инициативные группы избирателей, советы и общественные комитеты по выборам. Целью этих объединений стало выдвижение и поддержка своих кандидатов, обеспечение контроля над электоральным процессом. Итоги голосования придали неформальному движению мощный импульс, но при этом способствовали его качественной трансформации. Прежние лозунги об «углублении перестроечных процессов» и «обновлении социализма» в одночасье оказались забыты и отброшены. Их заменили новые, гораздо более радикальные требования.

Это качественное изменение, произошедшее в неформальном движении в конце 1988 года — первой половине 1989 года, не только метко подмечено Кароль Сигман, но также объяснено с научной (социологической) точки зрения. Приток масс в политику вследствие демократизации политической системы привел к тому, что дискуссионные клубы наводнили представители так называемой «второй

когорты». Причем, по свидетельствам активистом из «первой когорты», эти «неофиты» шли буквально по головам старожиллов, все больше оттесняя последних на задний план (хотя автор с присущей ей деликатностью не пишет об этом открыто, но именно такой вывод напрашивается после прочтения монографии). При этом, что самое интересное, новопришедшие в прошлом отнюдь не числились в диссидентах или заядлых антисоветчиках. В годы застоя они были вполне лояльными советскими гражданами, «адептами режима», многие из них носили комсомольские значки или же обладали партийными корочками. Но ситуация изменилась: прежние механизмы карьерного роста разваливались на глазах, а новая конъюнктура открывала невиданные перспективы «хождения во власть» (при условии слома прежней системы до основания).

Следующее изменение, которое выявляет автор, было связано со сменой идентичности политических клубов. Прежнее название — «неформал» постепенно выходило из моды и даже приобретало некоторые отрицательные коннотации. Отныне активисты альтернативных дискуссионных площадок ассоциировали себя с широким демократическим движением, что давало им ряд преимуществ. Во-первых, тем самым создавалась иллюзия массовости формировавшейся антикоммунистической оппозиции, ибо «демократы», то есть сторонники «подлинного народовластия» априори не могли быть в меньшинстве. Во-вторых, интеллигентским клубам создавался позитивный имидж, так как название «демократ» отлично контрастировало с обидным (но не менее популярным в народе) клеймом «партократ». Подобная дихотомия (демократы vs партократы) как нельзя лучше стигматизировала КПСС как нелегитимную «антивласть».

Неудивительно, что подновленные названия различных дискуссионных площадок, спешно переименованные (после фактической отмены ст. 6 Конституции СССР) в «политические партии», обязательно включали слово «демократическая»: Демократическая партия России, Христианско-демократическая партия, Социал-демократическая партия, Конституционно-демократическая партия и, наконец, движение «Демократическая Россия». Теперь это стало не только супермодным обозначением, но также способом самоидентификации по типу «свой — чужой» в борьбе с «монолитом КПСС».

Однако I Съезд народных депутатов СССР, ставший пространством легитимации неформального движения в лице Межрегиональной депутатской группы, в условиях ослабления союзной государственности всё больше превращался в

символический институт. Реальная политика переходила на уровень законодательных органов власти союзных республик, обновленных в 1990 годах в соответствии с «графиком демократических перемен»¹⁸. Это обстоятельство повлияло на оппозиционное движение в целом, предопределив его сегментацию на республиканском уровне. Надо сказать, что в отдельных республиках СССР оно приобрело откровенный национал-сепаратистский окрас. Что касается московской политизированной интеллигенции, то ее активисты, следуя известной логике, также сместили акценты в сторону собственно российской специфики (к счастью, без национализма, ибо в условиях многонациональной России это стало бы губительно для будущей федерации).

Тем не менее ключевая государствообразующая республика рассматривалась демократической оппозицией как реальная арена борьбы, где в случае победы можно было взять *настоящие трофеи*. Так, российский парламент, в составе которого было немало представителей блока «Демократическая Россия», в июне 1990 года начинает борьбу за республиканский суверенитет. Символом конфликта с консервативно-ортодоксальным руководством СССР выступил бывший «партократ», а ныне *неформальный* лидер российского демдвижения — Б.Н. Ельцин.

Кароль Сигман подробно рассматривает довольно сложные отношения между представителями столичных политклубов и этим «импульсивным» политиком. Если ранее, в 1986–1987 годах, старожилы дискуссионных площадок относились к тогдашнему первому секретарю Московского горкома КПСС весьма осторожно (ибо он сам неоднократно давал такие поводы: ужесточал правила проведения митингов в Москве, встречался в Моссовете с активистами националистической «Памяти»), то с 1989 года политическая оппозиция безоговорочно сделала Бориса Николаевича, как пишет автор, своим «трофеем» (хотя, на наш взгляд, точнее было бы обозначить Ельцина неким демократическим брендом или талисманом, который, как тогда казалось, был способен принести удачу его обладателям).

Политический феномен Б.Н. Ельцина — отдельная большая тема, которая простирается далеко за рамки исследования Кароль Сигман. Тем не менее интересно, почему «демократический» истеблишмент так стремительно поверил бывшему аппаратчику, который, кстати сказать, не особо жаловал неформалов в бытность руководителем столичного горкома (автор упоминает его крылатую фразу,

---

¹⁸ См. Волгин Е.И. КПСС в контексте советской политической модернизации (конец 80-х — начало 90-х годов XX века) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2004. № 3. С. 103.

адресованную нарождавшейся оппозиции: «Перестройка подняла много пены. Пора эту пену снять»¹⁹).

Говоря о взаимоотношениях Ельцина-демократа с демдвижением, хочется привести слова, сказанные одним из лидеров межрегионалов Гавриилом Поповым в частной беседе с Георгием Шахназаровым, ближайшим помощником Горбачева. На вопрос Шахназарова, почему, мол, межрегионалы так заинтересованы в Ельцине, Попов ответил: «Народу нравится. Смел, круче всех рубит систему». «Ну а если, — продолжал любопытствовать Георгий Хосроевич, — он решит пойти своим путем». «Э, голубчик, — хитро протянул Гавриил Харитонович, — мы его в таком случае просто сбросим, и все тут»²⁰. В этих словах заключается вся наивность лидеров демократической оппозиции первой волны, полагавших, что они в состоянии использовать в своих целях бывалого номенклатурного зубра.

С другой стороны, как свидетельствует сподвижник того же Ельцина — Михаил Полторанин: «Первый эшелон интеллигентских политиков — народные депутаты СССР Гавриил Попов, Анатолий Собчак, Георгий Арбатов, Юрий Афанасьев... относились к Борису Николаевичу настороженно...». Другое дело, те, кого Полторанин называет «вторым укосом», то есть активисты оппозиционного движения, готовившиеся в марте 1990 года баллотироваться в народные депутаты России. «Выборы в республиканский парламент, — пишет Полторанин, — обещал принести богатый урожай молодых бунтарей, не знающих середины»²¹. Это свидетельство известного российского политика поразительным образом подтверждает наблюдения Кароль Сигман о наличии «двух когорт» (умеренной и радикальной) в неформально-демократическом движении. Негласная сделка между участниками второй волны и Ельциным состоялась накануне выборов в I Съезд народных депутатов России, когда Борис Николаевич позволил позиционировать себя в качестве неофициального кандидата от широкой коалиции «Демократическая Россия».

Не в последнюю очередь благодаря именно этому обстоятельству многие представители «второй когорты» сумели пройти в российский парламент, а также получить места в советах Москвы, Ленинграда и ряда других городов РСФСР. В книге

---

¹⁹ Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства / Пер. с франц. А. Зайцевой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 146.

²⁰ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М.: Россия; Зевс, 1993.

²¹ Полторанин М. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Институт русской цивилизации; Благословение, 2011. С. 98.

подробно анализируются итоги голосования 4 марта 1990 года. Автор касается вопроса структурирования Съезда народных депутатов России, чрезмерная фракционность которого (съезд насчитывал свыше 20 фракций различной идейно-политической ориентации) во многом явилась следствием общеполитического размежевания, в том числе в неформально-демократическом лагере.

После непростого избрания Ельцина на пост Председателя Верховного Совета РСФСР новые российские парламентарии, объединенные во фракции «демократов», «радикал-демократов» и даже «беспартийных», начали борьбу за власть «в отдельно взятой» республике. Хотя, как справедливо отмечает Кароль Сигман, первоначально эта борьба носила больше символический, нежели практический характер. На внепарламентском уровне с 1990 года начинается «усиленное структурирование» российского партийно-политического пространства. Борис Ельцин, кровно заинтересованный в укреплении своей власти и влияния (например — в учреждение поста Президента РСФСР), не терял связь с демдвижением. Правда, как подчеркивает автор, эта связь носила больше односторонний характер. Даже после трансформации «ДемРоссии» в широкое общественно-политическое движение, Борис Николаевич, едва расставшись с партийным билетом, не спешил (даже символически) вступать в ряды «ДемРоссии». Более того, он старался сохранять полную свободу действий, не обременяя себя какими-либо обязательствами перед демдвижением.

После событий августа 1991 года Ельцин все меньше нуждался в поддержке объединенной демократической коалиции. Более того, в книге показано, что российский лидер даже препятствовал дальнейшему структурированию политических организаций либерально-демократической ориентации. Очевидно, опытный аппаратчик, еще совсем недавно считавший неформалов «перестроечной пеной», после устранения «партийного монстра» в лице КПСС опасался консолидации альтернативных общественно-политических объединений, способной при определенных обстоятельствах трансформироваться во влиятельную оппозицию уже новой — «демократической» власти.

Тем не менее последней услугой, оказанной «ДемРоссией» Борису Николаевичу, стало, по мнению автора, политико-идеологическое оформление будущего либерального экономического курса. Более того, как отмечает Кароль Сигман, в преддверии радикальных реформ само демократическое движение переживает новую (на этот раз — последнюю) трансформацию, становясь

либеральным. Правда, очередной ребрендинг в большей степени был связан со сменой общего тренда в реформистском движении, нежели с критическим осмыслением значения нового термина. Ибо мало кто из новой «либеральной тусовки» знал подлинный смысл слов «приватизация», «инфляция», «шоковая терапия», «залоговые аукционы» и т. д. Но удивительно: у истоков «либеральной революции» в начале 1990-х годов стояли, как известно, Егор Гайдар и Анатолий Чубайс. Оба когда-то начинали в неформальном политическом клубе «Перестройка». Круг, как говорится, замкнулся...

Либеральная реформация не привела ее адептов из числа вчерашних неформалов во власть. Лишь отдельные активисты ненадолго получили второстепенные посты в российском правительстве. Иные переместились в оппозицию. К 1993 году само демократическое движение (равно как и вся уличная политика), по справедливому замечанию Кароль Сигман, сошло на нет. Получилось так, что радикальные экономические изменения превратили бывшую советскую интеллигенцию, составившую костяк демдвижения, увы, в класс маргиналов. В книге подробно говорится о том, как сложились дальнейшие профессиональные траектории бывших активистов перестроечных клубов. Одни занялись журналистикой, другие — политическим консалтингом, третьи возглавили политические партии (правда, без малейшего намека на успех). Однако было очевидно, что при любом раскладе большинство из прежних лидеров переместилось в арьергард большой политики. Политическое пространство было переформатировано и поделено между новыми акторами, которые оказались тесно связаны с изменившейся системой социальных и, самое главное, имущественных отношений (бизнес- и лоббистскими структурами, группами интересов, старыми и новыми номенклатурными кликами и т. д.).

Такова непродолжительная (но при этом далеко не однозначная) история неформального движения в СССР «от начала до конца», столь подробно описанная Кароль Сигман. Эта книга, безусловно, займет достойное место среди исследований, посвященных бурлящей общественно-политической жизни эпохи перемен. Написанная динамичным, но в то же время достаточно специфическим и профессиональным языком монография представляет немалый интерес как для специалиста (историка, социолога, политолога), который почерпнет здесь много нового и интересного материала, так и для обычного читателя, живо интересующегося перипетиями нашей недавней истории.

И еще один момент, о котором хочется сказать в заключении. После прочтения книги Кароль Сигман невольно задаешься вопросом о том, какую роль сыграла оппозиция не столько в демонтаже прежней системы, сколько в деле становления (или же попытке становления) новых демократических отношений? Несмотря на то, что в общем и целом движение потерпело крах и растворилось в новой политической реальности, неформалы внесли несомненный вклад в становление отечественной многопартийности, развитие парламентаризма, конституционный процесс. Так получилось, что те идеалы, которые исповедовали участники дискуссионных клубов конца 1980-х годов (демократические выборы, верховенство закона, разделение властей, честная политическая конкуренция и т. д.), начертаны на знаменах современных политических партий (независимо от их идейно-политической идентификации). Значит, и проблемы, поднятые в годы политической альтернативной «перестройки», актуальны и по сей день. Поэтому изучение опыта и наследия, накопленного советским неформальным движением второй половины 1980-х годов, представляется сегодня крайне полезным и актуальным. Поможет же нам в этом замечательная книга Кароль Сигман.

Список литературы:

1. *Амелин В.Н.* Неформалы: интеллигенция, партактив: политические ориентации // *Общественные науки.* 1989. № 4. С. 199–217.
2. *Андреев Н.* Куда идут молодые «неформалы»? // *Политическое образование.* 1989. № 5. С. 57–63.
3. *Березовский В., Кротов Н.* Неформальная Россия: О «неформальных» политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника). М.: Молодая гвардия, 1990.
4. *Волгин Е.И.* КПСС в контексте советской политической модернизации (конец 80-х — начало 90-х годов XX века) // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* 2004. № 3. С. 75–89.
5. *Волгин Е.И.* Проблема департизации в России в начале 1990-х годов // *Вестник Московского университета. Серия 8. История.* 2014. № 4. С. 102–123.
6. *Громов А.В., Кузин О.С.* Неформалы: кто есть кто? М.: Мысль, 1990.
7. *Испаев Я.* «Неформалы». Как к ним относиться? // *Партийная жизнь Казахстана.* 1988. № 7. С. 71–75.

8. *Лисовский В.* «Неформалы»: за и против // Агитатор. Журнал ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 26–28.
9. *Миронов В.* Неформалы: социальные инициативы. «Помрачение умов» или «гражданская доблесть» // Коммунист. 1990. № 9. С. 124–127.
10. Неформалы: Кто они? Куда зовут? / Под общ. ред. В.А. Печенева, В.И. Вьюницкого. М.: Политиздат, 1990.
11. *Ольшанский Д.В.* Неформалы: групповой портрет в интерьере. М.: Педагогика, 1990.
12. *Плаксия С.И.* «Неформалы» — сыновья или пасынки? // Политическое образование. 1988. № 7. С. 83–89.
13. *Полторанин М.Н.* Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Институт русской цивилизации; Благословение, 2011.
14. *Сигман К.* Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства / Пер. с франц. А. Зайцевой. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
15. *Фадин А.В.* Неформалы и власть // Вестник Академии наук СССР. 1989. № 10. С. 87–96.
16. *Шахназаров Г.Х.* Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М.: Россика; Зевс, 1993.
17. *Шубин А.В.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008.
18. *Шубин А.В.* Преданная демократия. СССР и неформалы: 1986–1989. М.: Европа, 2006.

Volgin E.I.

Metamorphosis of Informal Political Clubs of Moscow in the late 1980s — early 1990s. A Review of “Political Clubs and Perestroika in Russia: Opposition Without Dissidence” by Carol Sigman

Evgeny I. Volgin — Ph.D., Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: plytony@yandex.ru

Annotation

The article attempts to analyze the monumental monograph of a French researcher Carole Sigman that is dedicated to the study of the so-called “informal movement” in the USSR during perestroika. Against the background of numerous publications on that subject, Sigman’s book is different by using an integrated approach. The author uses methods of sociology, political science and history. This lets the author to represent the new features of the genesis of the political opposition in the USSR. Carole Sigman have succeeded in finding out two cohorts in the Russian democratic movement of the late 1980s. The first one, which had appeared in the beginning of Perestroika, put forward reasonable political demands to reform the soviet system. The leaders of the second cohort, which came into politics after the wide democratic elections of 1989–1990, were more radical, aimed at capturing political power. From that moment, an open conflict between the old communist elite and the new Russian political class had begun.

Keywords

Carole Sigman, Perestroika, opposition, political clubs, informal, political parties, Gorbachev, Yeltsin.

References:

1. Amelin V.N. Neformaly: intelligentsiia, partaktiv: politicheskie orientatsii. *Obshchestvennye nauki*, 1989, 4, pp. 199–217.
2. Andreev N. Kuda idut molodye “neformaly”? *Politicheskoe obrazovanie*, 1989, 5, pp. 57–63.
3. Berezovskii V., Krotov N. Neformal’naia Rossiia: O “neformal’nykh” politizirovannykh dvizheniiakh i gruppakh v RSFSR (opyt spravochnika). Moscow: Molodaia gvardiia, 1990.
4. Volgin E.I. KPSS v kontekste sovetskoi politicheskoi modernizatsii (konets 80-kh — nachalo 90-kh godov XX veka). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 12. Politicheskie nauki*, 2004, 3, pp. 75–89.
5. Volgin E.I. Problema departizatsii v Rossii v nachale 1990-kh godov. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 8. Istoriiia*, 2014, 4, pp. 102–123.
6. Gromov A.V., Kuzin O.S. Neformaly: kto est’ kto? Moscow: Mysl’, 1990.
7. Ispaev Ia. “Neformaly”. Kak k nim otnosit’sia? *Partiinaia zhizn’ Kazakhstana*, 1988, 7, pp. 71–75.
8. Lisovskii V. “Neformaly”: za i protiv. *Agitator. Zhurnal TsK KPSS*, 1989, 9, pp. 26–28.
9. Mironov V. Neformaly: sotsial’nye initsiativy. “Pomrachenie umov” ili “grazhdanskaia doblest’”. *Kommunist*, 1990, 9, pp. 124–127.
10. *Neformaly: Kto oni? Kuda zovut?* / Pod obshch. red. V.A. Pecheneva, V.I. V’iunitskogo. Moscow: Politizdat, 1990.
11. Ol’shanskii D.V. *Neformaly: gruppovoi portret v inter’ere*. Moscow: Pedagogika, 1990.
12. Plaksiia S.I. “Neformaly” — synov’ia ili pasynki? *Politicheskoe obrazovanie*, 1988, 7, pp. 83–89.
13. Poltoranin M.N. *Vlast’ v trotilovom ekvivalente. Nasledie tsaria Borisa*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii; Blagoslovenie, 2011.

14. Sigman K. *Politicheskie kluby i Perestroika v Rossii: Oppozitsiia bez dissidentstva* / Per. s frants. A. Zaitsevoi. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
15. Fadin A.V. Neformaly i vlast'. *Vestnik Akademii nauk SSSR*, 1989, 10, pp. 87–96.
16. Shakhnazarov G.Kh. *Tsena svobody. Reformatsiia Gorbacheva glazami ego pomoshchnika*. Moscow: Rossika; Zevs, 1993.
17. Shubin A.V. *Dissidenty, neformaly i svoboda v SSSR*. Moscow: Veche, 2008.
18. Shubin A.V. *Predannaia demokratiia. SSSR i neformaly: 1986–1989*. Moscow: Evropa, 2006.